

ГРИГОРИЙ ЛЕРИН

БУЛЬВАР САНСЕТ
и другие виды на закате

16+

Григорий Лерин Бульвар Сансет и другие виды на закате

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66037306

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-95254-6

Аннотация

Мир сошел с ума и умер. Неизвестно, да уже и не важно, кто первым нажал на «красную кнопку», и тысячи термоядерных взрывов превратили Землю в Бульвар Заходящего Солнца.

Рутинная задача – привести судно домой становится непреодолимым испытанием для капитана контейнеровоза, застигнутого войной в середине океана. Нет связи и привычных средств навигации, нет солнца и звезд, нет даже порта назначения за горизонтом. А осознание Конца Света изменяет психику оставшихся в живых, и от сработанного, слаженного экипажа можно ждать любых сюрпризов.

Наверное у тех, кто верит в Бога, еще остается надежда, но капитан не верит, он полагается на свой опыт, на случай, на удачу. Да и как можно верить в Высший Разум, допустивший уничтожение человечества? Но в конце долгого пути домой капитану предстоит узнать, что Создатель существует. Только совсем не такой, каким его представляют.

Содержание

1	4
2	19
3	28
4	49
5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Григорий Лерин

Бульвар Сансет и другие виды на закате

1

Они нашли свой дом в конце лета. То ли от перепада дневных и ночных температур, то ли из-за холодного дождя, хлынувшего на раскаленную поверхность, спекшаяся корка земли лопнула и разошлась. Бурный поток черной дождевой воды вымыл на дне неглубокий, уступчатый каньон, пробил тоннель в песчаном пласте и исчез, оставив после себя широкий грязный след.

Именно этот пласт смешанной с песком земли привлек их внимание.

– Смотри, – сказала женщина. – Песок желтый.

Мужчина молча кивнул. Последний раз он видел такой песок полгода назад на австралийском побережье Индийского океана, как раз накануне Конца. Обычный светло-желтый песок, не покрытый густым слоем радиоактивной угольной пыли.

Он сбросил сумку под ноги, пошевелил затекшими плечами и подошел к краю расщелины. Ее верхняя кромка со-

стояла из двадцатисантиметрового слоя спекшейся стекло-видной массы. Ниже простирался слой земли, смешанной с песком. Метра два – два с половиной.

– Высоко, – сказала женщина за его спиной. – Надо рубить ступени.

– Верхний слой, как бетон, – возразил он. – Мы ломаем топор.

– Внизу земля мягкая. Мы выроем пещеру. Здесь будет наш дом. – Ее голос дрогнул.

Мужчина обернулся и взглянул на нее – маленькую женщину в грязной, потерявшей первоначальный цвет куртке военного образца, с короткими, редеющими волосами на голове, с растрескавшимися губами и треугольным рубцом на шее. И с глазами цвета утренней озерной воды, которые просили.

– Это невозможно. Даже если нам удастся спуститься вниз, мы не сможем выбраться.

– Здесь будет наш дом, – упрямо повторила она, сняла с плеча ружье и положила на землю. – Нам нужен дом. Надо рубить ступени.

Они по очереди били обухом топора по краю трещины. Били осторожно, вполсилы, чтобы не сломать рукоятку, отворачиваясь от черных стеклянных брызг. Через час оба окончательно выдохлись – насыщенная лейкоцитами кровь не справлялась с потребностью напряженных мышц в кислороде. Итогом работы явилась лишь небольшая выемка на

краю разлома.

– Я не хочу уходить отсюда, – задыхаясь, прошептала женщина.

– Мы отдохнем и продолжим, – ответил он. – Нам некуда спешить.

Он не хотел задерживаться на этой оплавленной, спекшейся в стекло равнине. Возможно, до наступления ночи им бы удалось ее пересечь. Ночью задует холодный ветер и принесет с собой мелкую черную пыль, которая вызывает невыносимый зуд и долго не заживающие язвы.

Он повернулся к женщине и опять увидел мольбу в ее глазах. До этого она просила лишь однажды. Она умоляла не бросать ее. Сейчас она знала, что он хочет идти дальше, и снова просила.

– Мы ведь не уйдем, правда? Мне нужен дом. Во мне живет ребенок.

Первый раз она сказала ему о том, что несет в себе ребенка, еще три дня назад. Но он продолжал идти. Просто по инерции. Сегодня в первый раз она заговорила о доме.

– Хорошо, – сказал он. – Сейчас ты убедишься, что мы никуда не уйдем.

Мужчина подхватил топор и поднялся на ноги. Подошел к краю расщелины, присел, глядя вниз и удивляясь своей бессмысленной решимости. Хотя смысла идти дальше тоже не было. Они давно уже жили без смысла.

– Что ты хочешь?... Подожди, не надо! – крикнула она,

но он оттолкнулся и прыгнул вниз.

Дно мягко спружинило под ногами, но все же толчок отозвался острой болью в коленях и позвоночнике. Он упал на бок, коротко вскрикнул и перевернулся на спину. Испуганная женщина уже стояла на краю трещины.

– Все в порядке, – сказал он. – Оставайся там. Теперь мы никуда не уйдем, пока не сделаем ступени.

Почувствовав под рукой влагу, он привстал и огляделся. Из земляной стенки расщелины вытекала еле заметная струйка воды, вилась по уступу и исчезала в желобе.

Он размахнулся. Топор легко вошел в рыхлую землю, но тут же встретил препятствие. Стенка подалась, отвалился большой ком земли, за ним открылась пустота. Рукоятка топора вырвалась из пальцев, но топор не упал. Вонзившись в торец присыпанного землей деревянного бруса, он словно повис в воздухе.

Мужчина работал, не обращая внимания на одышку и боль в мышцах, до тех пор, пока не расчистил вход в пещеру.

– Здесь кто-то жил! – крикнул он. – Наверное, поэтому здесь прошла трещина – из-за пустоты внутри!

Пещера была пуста. Земляные стены и потолок, обвитые паутиной тонких корней, выступающие крепежные брусья, заполненное водой углубление в полу, из которого змеилась узкая влажная дорожка. Внутри он нашел грубое деревянное распятые и подумал, что последний обитатель пещеры покинул свое пристанище много-много лет назад. Он удивился

интуиции женщины, потом обрадовался, что послушал ее и не ушел, и только потом осознал, что в эту подземную пещеру не проникла радиация.

Он вырубил ступени в мягком грунте, позволив себе всего два перерыва для отдыха. Оставалось лишь пробить верхнюю корку спекшейся почвы. Он уже знал, как это сделать.

Женщина легла и протянула ему сверху пластиковую бутылку с водой.

– Попей. У тебя могут начаться судороги.

– Потом, – ответил он. – И ты потерпи, если можешь. Здесь есть вода. Живая родниковая вода.

– Ты устал. Дай мне топор, я буду долбить сверху.

– Нет. Дай мне ружье.

Удивление... Сомнение... Тревога... Но она беспрекословно протянула ружье. А он привычно легко прочитал мысли в ее глазах. Если пуля не пробьет двадцатисантиметровую корку, он не сможет подняться вверх – там просто не за что ухватиться. Ну и что? Зато она сможет спуститься. Они навсегда останутся здесь, в своем новом доме... А потом она подумала о зародившейся в ней жизни.

– Здесь есть родник, – повторил он. – Отойди подальше. Я скоро закончу.

Он поднял ружье, упер приклад в бедро. Грохот выстрела заметался между стенками расщелины и слегка оглушил. Фонтаном взметнулась пыль. Черная корка покрылась трещинами, большой кусок отломился и скатился вниз по све-

жевырубленным ступеням.

Теперь дело пошло быстро. Работая попеременно, они выравнивали зазубрины и сколы. Женщина спустилась, он посторонился, пропуская ее внутрь пещеры, к воде, но она перешагнула через сочащуюся скважину и устоялась во все глаза на распяты. Упала на колени, обхватила его руками и замерла. Он услышал прерывистый шепот женщины, присел рядом и зачерпнул воду в ладони. Вода была холодная и очень вкусная, она ударила в голову, подобно крепкому напитку. А женщина все шептала и шептала, всхлипывала без слез, издавая похожие на икоту звуки.

Он отполз в сторону, привалился спиной к стене, вытянул ноги и усмехнулся. У них был топор, спички, ружье с четырьмя патронами. Теперь патронов осталось три, зато появился дом и чистая вода. Они вполне могли претендовать на звание самых богатых людей среди выживших на Земле.

К вечеру плотные, насыщенные угольной пылью тучи поднялись и оторвались от горизонта, открыв блекло-серую полосу неба. В образовавшуюся щель пролилось заходящее солнце. Сначала оно растеклось бордовой лужей по нижнему краю туч, потом свесилось неровной каплей и упало на землю. Равнина, похожая на огромный каток, залитый черным льдом, впитала свет и потемнела. А солнце, на несколько секунд принявшее обычную круглую форму, снова расплывалось вширь и проваливалось все глубже и глубже, пока

от него не осталось небольшое красное пятно, вспыхнувшее напоследок ярким лучом. Волна матового мерцания хлынула от горизонта, обсидиановая поверхность равнины встрепенулась, замерла и слилась с небом.

В черной темноте ночи остался человек, слабо подсвеченный всполохами невидимого костра. Еще какое-то время он стоял неподвижно, как будто ожидая, что солнце вернется и хотя бы на миг выхватит черную равнину из мрака. Потом зябко передернул плечами и отвернулся.

Тусклый свет костра упал на его лицо – худое и изможденное, с глубокими морщинами, рассекающими щеки и прячущимися под неровно подрезанной седой бородой. Он стоял на краю неглубокой расщелины, на дне которой рубиновыми бусинками поблескивали капли влаги. Мужчина вспомнил вкус родниковой воды, и ему сразу захотелось пить.

Он спустился вниз, придерживаясь за торчащие из земли корни. У входа в пещеру горел костер, языки пламени перебегали по массивному, короткому замшелому бруссу. Женщина сидела на земляном полу, сложив ладони на животе, и задумчиво глядела на огонь. Рядом с ней лежало распястье.

Она оторвала взгляд от огня и протянула ему горсть мелких коричневатых клубней.

– Смотри – это земляная груша! Она растет прямо на потолке, все корни усеяны! – Женщина кивнула на распястье, ее лицо засветилось признательностью. – Он дал нам дом, воду и еду. Я думаю, что смогу...

Мужчина коснулся ее лба, провел рукой по волосам.

– Конечно. Ты сможешь.

Он опять догадалась, о чем она думает, потому что с тех пор, как узнал, что в ней шевельнулась новая жизнь, сам не мог не думать об этом.

– Я видела, какими они бывают, – глухо произнесла она.

– Да, ты рассказывала. Сейчас об этом лучше не вспоминать. Забыть – и все.

– Он был такой ужасный. Наверное, хорошо, что мать его не застала.

– Все обойдется, – сказал он. Просто, чтобы что-нибудь сказать.

Женщина порывисто схватила распятые, положила его перед собой, наклонилась и зашептала.

Он прошел к роднику и попил. Скважина была небольшой: примерно тридцать сантиметров в диаметре и столько же глубиной. Воды в ней осталось на треть. Утром будет видно, сколько воды прибавилось за ночь.

Он улегся на пол и закрыл глаза. До него доносилось негромкое потрескивание костра, шепот и похожие на икоту сухие всхлипы.

И опять ему приснилось море. Синее, постепенно темнеющее море, в котором тонуло бордовое солнце. Чистое и совершенно спокойное: полный штиль, лишь легкая зыбь накатывала на борт и, шурша, рассыпалась кудрявой пеной. Таким оно было до прихода Конца.

Южное полушарие встретило их непривычно тихо. Тяжелые, душные ливни экваториальной зоны сменились ясным небом и безветрием, лишь зыбь от зюйд-оста напоминала о коварном, переменчивом нраве самого теплого океана. Редкие изобары на австралийской погодной карте и спутниковый прогноз французской станции обещали такую же погоду до Перта.

Небо уже начало темнеть у горизонта. Милях в пяти справа проплывала одинокая тучка и изливалась плотным дождем. На пару минут она заслонила низко висящее солнце, вокруг тучки заплясали радуги.

Капитан стоял на открытом крыле мостика¹ и ждал захода. Сколько раз он провожал солнце за горизонт, но снова и снова не мог оторваться от короткого и грустного свидания Солнца и Земли: легкое и теплое прикосновение, торопливое объятие, страстный поцелуй, и опять – прощай!... Увидимся завтра... Коснемся друг друга на пару секунд...

– Евгений Саныч! Поймал! Началось уже!

Еще несколько минут он оставался в своих воспоминаниях, в другом полушарии, на берегу другого океана, не узнавая и не понимая, что хочет от него стоящий в дверях чело-

¹ Крыло мостика – продолжение палубы мостика (ходового мостика, навигационного мостика), выходящее за пределы рулевой рубки

век. Потом кивнул удивленному старпому:

– Да-да, Костя. Сейчас иду.

Он бросил взгляд на горизонт. Солнце скрылось, и облака окрасились в серо-фиолетовый сумеречный цвет. Рябь исчезла с поверхности воды, и только легкие колебания двадцатитысячетонного судна – вверх-вниз, вверх-вниз – выдавали спокойное, мирное дыхание уснувшего океана.

Капитан одернул рубашку и пошел в рубку.

– ... мы продолжаем обратный отсчет. Сто семнадцать часов или немногим менее пяти суток остается до окончания срока действия российского ультиматума, объявленного три дня назад в двадцать два часа по московскому или в девятнадцать часов по Гринвичскому времени. Напоминаем, что Россия заявила о своем праве на превентивный ядерный удар по территориям стран-агрессоров – по тексту российского МИДа – и их союзников, если НАТО не прекратит концентрацию сил у российских границ и не выведет войска из республик Прибалтики. Лидеры западных стран заявили, что готовы защитить прибалтийских союзников и адекватно ответить на вызывающие действия одной из крупнейших ядерных держав, и впредь будут продолжать стоять на страже свободы, демократии и законности в Европе. Сегодня, наконец, после трехдневного молчания, заставившего изрядно поволноваться европейских политиков, была озвучена позиция Вашингтона. Президент Соединенных Штатов призвал Кремль прекратить развертывание ядерных сил и тоже при-

грозил превентивным ударом. Заявление Белого Дома было сделано в предельно жесткой риторике, аналитики сразу назвали его контр-ультиматумом. Вслед за Вашингтоном Китай, Индия, Пакистан и Иран объявили о возможном применении ядерного оружия при угрозе безопасности территорий и национальных интересов. Ситуация крайне тревожная, при этом отмечено, что ни одна из сторон уже не предлагает сесть за стол переговоров. Многие аналитики считают, что посыл России обращен не только к западным странам, но и, возможно в первую очередь, к Китаю. Пекин продолжает наращивать военную группировку на восточном участке российско-китайской границы, которая по некоторым данным уже достигла пятнадцати миллионов человек. Тем не менее, российские лидеры, дипломаты и официальные медиа сохраняют упорное и довольно странное молчание по поводу реальной угрозы китайского вторжения на Дальний Восток и в Южную часть Сибири. Вся мощь пропагандистской машины направлена только на Запад. При этом независимая организация «Честно» опубликовала в Интернете результаты социологического опроса, проведенного во Владивостоке, Хабаровске и других крупных городах региона. На вопрос: «Как вы относитесь к возможности китайской интервенции?» сорок шесть процентов респондентов ответили: «Мне все равно», еще одиннадцать процентов: «Затрудняюсь ответить». В Благовещенске ФСБ задержала группу местных граждан, распространяющих листовки со следую-

щим текстом: «Дорогие русские соседи, не бойтесь! Мы вылечим ваших детей! Мы накормим ваших стариков! Мы дадим вам еду и тепло в ваши дома!» Почти все задержанные – пенсионеры. Старшей из них, Наталье Овчинниковой в день задержания исполнилось восемьдесят пять лет. Когда ее спросили, понимает ли она, что ее действия – это измена Родине, она ответила: «У меня нет Родины. Ее давно уже украли»... А теперь о других новостях сегодняшнего дня...

Громкое, нарастающее шипение заглушило голос диктора. Старпом подошел к приемнику, принялся колдовать с кнопками настройки частот.

Весь переход из Средиземного моря в Австралию бесстрастные голоса дикторов из «Немецкой волны» и «Русской службы Би-Би-Си» рассказывали об ускоренной подготовке человечества к самоубийству. И все же, ни один из восемнадцати человек русско-украинского экипажа, собиравшихся на мостике немецкого контейнеровоза под панамским флагом, в мировую войну не верил. Бурно обсуждали, выдвигали различные версии, ругали политиков. «Да попугают друг друга, как обычно, а потом все равно договорятся! Не вконец безмозглые же!» Три дня назад обсуждения закончились – по крайней мере, на мостике. Слушали молча, сосредоточенно и так же молча расходились. Но все равно, по глазам было видно – не верили.

– ...сорок восемь человек погибли и более ста пострадали при взрыве в датском городе Архусе. Террорист-смерт-

ник в автомобиле «Тойота» на большой скорости врезался в собравшуюся у собора толпу и привел в действие взрывное устройство. Ожидалось, что праздничную службу посетит королева Дании, но в последний момент визит Ее Величества в Архус был отменен... На юге Франции продолжается масштабная полицейская операция по восстановлению законности и порядка. Согласно местным источникам, в ней участвуют и армейские подразделения... Израильские военные завершают окружение отряда боевиков организации «Хизболла», пытающихся прорваться в Ливан после серии терактов на севере страны. Иран угрожает нанести массовый ракетный удар по территории еврейского государства, если израильская армия пересечет границу с Ливаном. Сегодня правительство Израиля объявило о переходе страны на военное положение...

И снова частоту накрыла полоса помех.

– Попробуй Киев, чиф, – посоветовал капитан.

– Пробовал. Что-то не ловится... Может, на «Немецкой волне», на восьми килогерцах?... Ага! Попал!

– ...Москва... В интервью Первому каналу Президент впервые заявил о наличии хорошо укрепленных и подготовленных убежищ-штабов для управления страной на случай широкомасштабного ядерного конфликта. При этом Президент подчеркнул, что российское руководство использует все возможные дипломатические меры для избежания подобного конфли...

Без всякого перехода в рубку с шипением и треском во-
рвалась быстрая испанская речь. Ее сменил прерывистый
писк, похожий на морзянку.

Старпом вопросительно взглянул на капитана.

– Да... В общем, все ясно. Ничего нового, – сказал капи-
тан. – Пора к ужину готовиться.

Он первым вышел из рубки. За ним потянулись осталь-
ные.

Новости последующих двух дней были полностью посвя-
щены бомбоубежищам. Оказывается, убежища уже подгото-
вили практически во всех крупных индустриальных странах.
По примеру российского президента их называли штабами,
чтобы не возникало вопросов, для кого эти убежища пред-
назначены. Пресс-секретари, министры и президенты напе-
ребой расхваливали национальные достижения в этой сфе-
ре, обсуждали толщину стен и новейшие технологии жизне-
обеспечения в изолированном пространстве. Все это напо-
минало незатейливое телевизионное шоу. Что-то вроде: «Я
ущелею после Конца Света! А вы?».

Дешевое шоу и война несовместимы – в этом капитан был
уверен. Все обойдется. Пугают...

Но в субботу с эффектом ледяного душа прозвучало сов-
местное заявление королевских домов Европы. Монархи Ев-
ропы и члены их семей довели до сведения граждан, что не
собираются скрываться в убежищах, а останутся со своими
подданными до окончательного разрешения текущей ситуа-

ции.

В воскресенье европейцы устремились в королевские дворцы, в которых объявили день открытых дверей. Это уже не походило на шоу.

В понедельник первого марта, в восемь утра, за шестьдесят часов до окончания срока ультиматума контейнеровоз «Lunar Tide»² пришел в австралийский порт Фримантл.

² Lunar Tide – лунный прилив (англ)

2

– Мама! Мамочка! Папа купил «Создателя»! У меня есть «Создатель»! Мамочка!

Мама наклонилась и слегка вытянула губы для поцелуя, но сын повис у нее на шее. Его глаза сияли восторгом. Мама подхватила мальчика подмышки и замерла, не решаясь полностью выпрямиться. Ее лицо, волосы и плащ были покрыты мелкими каплями дождя.

– Малыш, отпусти! Малыш, мне тяжело так стоять!

Мальчик разжал руки, и она опустила его на пол. Он крепко стиснул ее ладонь и потянул за собой в комнату.

– Мамочка, пойдем! Я тебе покажу! Он такой красивый!

– Нет! – твердо сказала мама. – «Создатель» подождет. Сначала я должна раздеться.

– Только побыстрее! – Мальчик вцепился в нижнюю пуговицу плаща. – Я тебе помогу!

В коридоре появился папа.

– Отставить! – бодро скомандовал он. – Раздевать маму – моя забота. А ты беги пока в комнату и собери все в большую коробку. Осторожно с ножницами!

– Мамочка! Папочка! Я вас так люблю!

Мальчик вприпрыжку побежал к двери и скрылся в комнате.

Папа проводил его взглядом и обернулся к маме.

– Привет! Хотели все успеть до твоего прихода. Почти успели. Небольшой бардак остался.

– Почему мне всегда остается только бардак? – вздохнула мама.

– Так ведь небольшой! – Папа кивнул в сторону детской комнаты. – Ну, как?

– Ребенок слишком возбужден! Нет, он явно перевозбужден! Он будет плохо спать ночью!

Лицо папы обиженно вытянулось. Мама сбросила плащ ему на руки и потрепала по голове.

– Конечно здорово! Когда я вижу его таким, мне самой подпрыгивать хочется! Ладно... Кто-нибудь в этом доме собирается меня целовать?

Мама была против «Создателя». По причинам столь же веским и убедительным, как и те, из-за которых каждый раз перед едой нужно мыть руки.

Во-первых, ребенку всего четыре года, и неизвестно, как такая сложная игра отразится на его психике. Во-вторых, компьютерные игры портят зрение. В этом мама убедилась сама, хотя очки ей очень даже идут. В-третьих, игра стоит дорого, в то время, как маме кроме очков давно уже просто необходим новый плащ, а к плащу сумочка и туфли. Ну, и в-четвертых, и в-пятых, и в-шестых...

Но... Когда твой ребенок, для которого ты готова на все, хоть и стараешься казаться строгой, со вздохом отворачивается от телевизионной рекламы и говорит: «Вот еще одному

мальчику купили «Создатель». А мне пока рано»... Когда твой малыш запирается в детской комнате и никак не признается, что он там делал целых два часа, а потом в один прекрасный день вдруг заявляет: «Мамочка! Папочка! Я умею читать и писать! Я сам научился, потому что детям, которые не умеют читать и писать, нельзя покупать «Создатель». Хотите, покажу?». И ведет их в комнату, и показывает жуткие каракули, которые мама будет рассматривать и целовать полночи вместо того, чтобы целовать давно уснувшего папу.... И наконец, когда папа, как бы мимоходом, признается, что раздобыл купон с десятипроцентной скидкой на «Создатель», которая действует в течение месяца... И что в продаже уже поступила давно обещанная новая версия «Создателя», адаптированная для детей младшего возраста... Ну, какие тут могут быть плащ и туфли – ведь на них-то папа купон не раздобыл!

В общем, мама сдалась, как сдался весь мир, объявив «Создатель» самым замечательным достижением десятилетия. Но сдалась не до конца, потому что мамы из принципа до конца никогда не сдаются. «Делайте, что хотите! – объявила мама. – Только я к этому не имею никакого отношения! И на шаг не подойду!» Хотя прекрасно понимала, что, как минимум, пыль с «Создателя» придется стирать именно ей.

Сияющие глаза сына на время рассеяли ее сомнения, а теплый папин поцелуй подтвердил, что все не так уж плохо. Обнявшись, они вошли в детскую комнату. Мальчик то-

ропливо собирал с пола остатки упаковочного пластика и складывал в большую коробку.

– Подумаешь – «Создатель», – сказала мама. – Обыкновенный детский стол. И стоило платить такие огромные деньги!

– Mamочка, ты же не знаешь! – Мальчик поднялся с колен. – Там есть такая кнопка! Давай покажем маме, пап?

– Нет, – сказал папа. – Сначала все уберем. А то мама будет смотреть не на экран, а на мусор на полу.

«Создатель», действительно, выглядел как стол. Светло-зеленый, под цвет стен в комнате, с одной тумбой и двойной верхней крышкой. И конечно же, мама знала, что произойдет дальше. Вот уже два года, как рекламные ролики и обучающие программы «Создателя» бесцеремонно ворвались в каждый дом, а на некоторых каналах их крутили беспрерывно. Для тех, кто уже купил «Создатель», для тех, кто только собирается купить, и для тех, кто рано или поздно, но все равно купит. Так или иначе, но маме было приятно, что ее семья перешла в почетную первую группу. «Конечно, у нас есть «Создатель». А у вас разве нет?».

– Ну, хорошо, – сказала мама. – Достаточно. Не надо гоняться за каждой пылинкой.

Мальчик только этого и ждал. Он вскочил с пола, бросился к столу и уселся в кресло. Протянул руку, но тут же отдернул и оглянулся на папу.

Папа кивнул.

– Смелей, малыш!

Детская ладошка легла на выпуклую овальную кнопку. Кнопка отозвалась слабым мелодичным звоном и окрасилась зеленоватой подсветкой. Верхняя часть крышки стола пришла в движение, приподнялась, развернулась и превратилась в большой темный экран. Нижняя часть крышки осталась на месте, лишь вспыхнула разноцветными искорками.

– Ему не обязательно было учиться писать, – зашептал папа маме на ухо. – В панель вмонтирован контактный микрофон для общения с программой. А еще в новой детской версии сделали две стартовые кнопки. Первая раскрывает экран и определяет возраст и психологическое состояние ребенка – там вмонтированы специальные сенсоры. Видишь, зеленый цвет – значит, все в порядке.

– А если не в порядке? – забеспокоилась мама.

– Тогда розовый или красный. Тоже ничего страшного – программа проведет с ним сеанс успокоительного общения. И только, когда состояние ребенка придет в норму, он сможет нажать другую кнопку и войти в игру. Кроме того, программа будет отслеживать и блокировать любую несоответствующую возрасту информацию.

– Что значит: несоот...?

Шепот мамы заглушил приятный, с обволакивающими бурлящими тембрами женский голос.

– Добро пожаловать, Маленький Создатель! Твоя мечта

сбылась – через минуту ты войдешь в эту удивительную игру. Ты уже решил, что будешь создавать? Если нет, то эта кнопка предложит тебе много стандартных вариантов...

Одна из кнопок ярко вспыхнула на пару секунд и снова замерцала.

– Не успела появиться в моем доме, а уже перебивает! – прошептала мама.

– Нажав на эту кнопку (снова короткая вспышка), ты сможешь ознакомиться с лучшими работами своих коллег-Создателей. И наконец, по любому вопросу, за любым советом ты можешь обратиться к Элликс. Просто позови: «Элликс!». Не волнуйся – у тебя все получится. Удачи и радости! Пока!

– Пока, Элликс, – сказал мальчик.

– Почему Элликс? – строго спросила мама и посмотрела папе в глаза. – Во всех рекламах была Солликс!

Папа смутился и пожал плечами

– Ну... не знаю. Они так ее называли. Новая версия... Ты же говорила, что никогда не смотришь рекламы «Создателя».

Мама тоже слегка смутилась.

– Я просто слышала. Не затыкать же уши, когда прохожу мимо! Малыш, а что ты хочешь создавать?

– Я пока не знаю, – неуверенно ответил мальчик. – Мне разное хочется.

– Есть идея! – бодро заявил папа. – Можно построить за-

вод! Полностью автоматизированный! Туда завозят руду и химическое сырье, а выпускают всяких полезных роботов. Я могу помочь разобраться в технологиях.

– Ребенку еще рано разбираться в технологиях, – сказала мама.

– Зато роботов потом можно программировать! На свой лад и вкус! Это же так интересно! – настаивал папа.

Мальчик задумчиво посмотрел на папу.

– Нет, я не хочу роботов. Извини, папочка. Можно, я еще подумаю?

– По-моему, роботов хочет только папа, – сказала мама. – Конечно, подумай, малыш. А мы не будем тебе мешать.

Она шагнула к двери и потянула папу за руку.

– Наверное, это на самом деле очень увлекательно!

Мама поджала под себя ноги, откинулась папе на плечо и поерзала по дивану, устраиваясь поудобнее.

– Ты про «Создатель»? – спросил папа.

– Я про процесс. Процесс создания. Даже такой скучной ерунды, как завод с роботами.

– Еще бы не увлекательно! Гораздо увлекательнее, чем твои «Девушки-гонимые» версии пятилетней давности.

– Ты же знаешь, я давно ее забросила. А если у него ничего не получится? Он будет нервничать, огорчаться. Он ведь еще такой маленький!

– А кто постоянно твердит, что ребенок умен не по го-

дам? – ехидно поинтересовался папа.

– Все матери так говорят. А сколько лет той девочке, которая создала Поющий Сад?

– Не помню. Она намного старше. – В голосе папы снова зазвучала ирония. – Ты же никогда не смотришь рекламы «Создателя».

Мама вздохнула.

– Это не считается. Это была не реклама, а целая передача. И это было удивительно красиво!

Девочка, создавшая Поющий Сад, прославилась на весь мир. Конечно, не потому, что вырастила в нем цветы, кусты и деревья самых причудливых форм и расцветок – подобная задача была по плечу любому начинающему создателю. Она вживила в растения ноты. В сад врвался ветер и наполнял его музыкой, подобно смычку, скользящему по струнам. С изменением направления и силы ветра мелодия менялась в бесчисленных нюансах так, что легкий ноктюрн мог постепенно превратиться в мощную симфонию.

Девочка послала свою работу на конкурс «Создателя» и победила.

Это была наилучшая демонстрация возможностей новой игры. Продажи «Создателя» резко возросли. Фирма отблагодарила победительницу крупным денежным призом и обещанием бесплатно поставлять ей любые новые разработки.

– Да... – снова вздохнула мама. – Я бы хотела погулять по такому саду. Пройтись... Всем втроем...

– Можно и вдвоем, – сказал папа. – Найти там укромное тенистое местечко. Повалиться на поющей траве... Послушать что-нибудь такое медленное... Чувственное...

Мама задумалась, замечталась, но вскоре обнаружила, что рука папы лежит на ее груди, и попала туда рука совсем не случайно, как ни пытался папа доказать обратное совершенно невинным видом.

– Ты что! – зашептала мама. – Ребенок в доме!

– Ему сейчас не до нас, – беспечно ответил папа.

– Нет! – Мама непреклонно отбросила папину руку и вскочила с дивана. – Надо посмотреть, как он там. Что-то мне совсем не понравилась эта Элликс.

Когда они вошли в комнату, мальчик сидел, подперев голову ладонями, и смотрел в темный экран.

– Ты все еще не решил, малыш? – спросила мама.

– Тогда можно начать хотя бы с завода, – предложил папа.

Мальчик повернулся к родителям. Он был очень серьезен – они редко видели его таким.

– Я хочу создать свой мир. Свою планету.

Папа посмотрел на маму и пожал плечами.

– Замечательно! Планету – так планету! Вперед!

Мальчик протянул руку над пультом. Его пальцы коснулись кнопки, слегка напряглись и вдавили кнопку в панель.

И вспыхнул свет.

Лоцман вошел на мостик, бросил на стол журнал и протянул руку.

– Доброе утро, кэптин. Добро пожаловать в Австралию.

Все, как обычно. Только без улыбки, и официальное «Good morning»³ вместо дружеского «How are you?»⁴. И автомобильный журнал вместо пачки свежих газет.

Капитан протянул руку навстречу.

– Доброе утро, Джон. Как дела? Как ваша Сюзи?

Это был бесприкрытый вопрос. Десятилетняя дочь Джона Сьюзен играла на скрипке и по-видимому играла хорошо, потому что ее все время куда-то приглашали. Джон ею страшно гордился и рассказывал о ней, почти не умолкая, прерываясь лишь изредка, чтобы бросить через плечо короткую команду рулевому.

Но не сегодня.

– She's okay⁵, – буркнул Джон и ушел в угол мостика. В переводе на русский: «Нормально. Отвали».

Так они и шли до самого причала – в разных углах. И попрощались: «до свиданья – до свиданья», без всяких излишеств.

³ Good morning – доброе утро (англ)

⁴ How are you? – как дела? (англ)

⁵ She's okay – она в порядке (англ)

Порт был почти пустой, лишь небольшой индонезийский балкер⁶ впереди и арабский скотовоз на другой стороне акватории. Автомобили агента и представителей пограничного контроля уже стояли на причале.

Капитан проследил с крыла мостика, как они поднимались по трапу. Первой взбежала Ванесса – энергичная девица из карантинной службы: стройная, черноволосая, с темными итальянскими глазами. От нее почти не отставал Крейг, перешагивающий длинными ногами сразу через три ступени – судового агент и просто славный парень, его жена вот-вот должна принести ему первенца. Третий – офицер из «иммигрэйшн»⁷: седой, полный дядька с пышными усами поднимался медленно и солидно – этого капитан видел впервые.

Он спустился вниз и встретил Крейга и пограничника у дверей капитанского салона. Ванесса, как обычно, задержалась на камбузе терроризировать повара.

Офицер-пограничник тоже выдал неохотное «Good morning» и такое же вялое рукопожатие. Крейг стрельнул глазами в его сторону и поздоровался, как всегда, дружески. Оба отказались от кофе, сели за стол и занялись документами.

Вскоре пришла Ванесса.

– Доброе утро, кэптин. Как дела?

⁶ Балкер – судно, предназначенное для перевозки навалочного груза

⁷ Иммигрэйшн (Immigration) – служба пограничного контроля (англ)

– Доброе утро, – ответил он. – Вы же не откажетесь от кофе? Ваш любимый – с молоком и корицей.

Обычно она говорила: «Только покрепче, пожалуйста. Я почти не спала сегодня». Сколько он ее знал, она всегда «почти не спала».

Но сейчас она лишь кивнула:

– Спасибо.

– Это будет самый крепкий кофе во всей Австралии.

– Спасибо.

Она уселась на диван рядом с пограничником и тоже принялась за бумаги. Оба работали молча, сосредоточенно и закончили быстро. И встали вместе, как по команде.

Пограничник сразу двинулся к двери.

– До свидания, кэптин.

И вышел из салона.

– До свидания, кэптин, – эхом повторила Ванесса и добавила: – Добро пожаловать в Австралию.

– До свидания, Ванесса, – сказал капитан и спросил уже в спину: – Что, действительно, все так плохо?

Она остановилась, обернулась. Взглянула на него, на Крейга. Тот сидел на диване и смотрел в пол.

– Вы читали утренние газеты, кэптин?

– Нет, не читал. А Джон ничего не рассказывал. Молчал так же, как вы. Это, конечно, очень плохо, когда премьеры и президенты грозят войной. Очень надеюсь, что только грозят. Но мы же с вами... Вы, Крейг и я, в частности. Мы же

не враги?

Он уверенно ожидал положительного ответа – ведь они знакомы почти три года, и почти три года он заваривал ее любимый кофе с корицей. Но в ее глазах сверкнули черные иглы, и весь его пафос сдулся, как проколотый воздушный шарик.

– Окей, кэптин. Если завтра на мой дом упадет русская ракета и убьет всю мою семью, мы все равно останемся не врагами?

Он не нашел, что ответить, только подумал: «Браво, девочка! Отличное разъяснение понятия коллективной ответственности».

Она и не ждала ответа.

– Спасибо за кофе.

И вышла.

Крейг неуверенно взглянул на него и развел руками.

– Люди очень нервничают. Боятся войны. Не обижайтесь, Юджин.

– Я понимаю. И не обижаюсь. Как Лиз?

Он длинно-длинно вздохнул и снова опустил голову.

– Она все время говорит с ним. Рассказывает про нас, про наш дом. Про его кровать, одеяло и игрушки. И плачет. Она боится, что малыш не успеет родиться.

Капитан прошел взад-вперед по салону и присел на край дивана.

– У вас настолько уверены, что будет глобальная война?

– По-разному. Кто-то верит, кто-то нет. Многие перестали ходить на работу. Лиз верит и плачет. А у вас?

– У нас обычно ничему не верят. А если серьезно – не знаю. Я еще не звонил домой – рано. За последние две недели все очень изменилось. А что в газетах, Крейг? Про какие новости спросила Ванесса?

– Сегодня в Перте выпускают дельфинов.

– Куда выпускают? – не понял капитан.

– В океан, на волю. Люди хотят оставить им шанс. Поэтому сегодня в порту работать не будут. Все едут в Перт. Хотите поехать, Юджин?

– Конечно хочу!

Крейг встал.

– Я заеду через час. Их начнут выпускать в двенадцать. Лучше быть там пораньше.

Они приехали в Перт за два часа до полудня. Лиз и Крейг сидели впереди, капитан устроился сзади и придерживал рукой вместительную корзину для пикников. За сорок минут езды машину ни разу не тряхнуло – Крейг правил очень аккуратно, да и состояние дороги было отменное. Лиз и Крейг тихо переговаривались. В основном, это были варианты вопроса: «Тебе удобно, дорогая?» и соответствующие ответы. Иногда Лиз обращалась к капитану, из вежливости слегка поворачивая голову вправо. У нее на щеке трепыхался одинокий рыжеватый локон, отбившийся от схваченного чер-

ным бантом-резинкой коллектива. Капитан отвечал этому локону, радуясь, что большой живот не позволяет женщине обернуться полностью. После разговора с Ванессой он чувствовал себя неловко, особенно, когда приходилось смотреть Лиз в глаза.

Они оставили машину на набережной. Предусмотрительный Крейг вытащил из багажника складной шезлонг для Лиз, капитан подхватил корзину, и они, не спеша, двинулись к молу на Нортсайд Драйв. Там уже было много людей – жители Перта стояли по всему периметру бухты Хилари Харбор, в которой находился знаменитый океанарий. Еще больше народа собралось на пляже.

Им удалось занять место у воды. Лиз надела широкополую соломенную шляпу и села в шезлонг. Она достала из корзины коробку с шоколадным пудингом, бутылку воды и раздала пластиковые стаканы. Капитан положил ей на колени морской бинокль. Мужчины встали по бокам. Получилось что-то вроде ложи в театре с видом на океан.

– Тебе удобно, дорогая?

А зрители все прибывали и прибывали. Целые семьи с детьми подходили к краю мола, люди теснились, уступая друг другу место. Легкий зюйд-ост обдувал бухту, подобно гигантскому вентилятору, зеленая вода рябилась небольшими волнами, рассыпающими солнечные блики.

– Вечером здесь снова будет много людей, – сказал Крейг. – Может быть, даже еще больше. Все придут смотреть

заход солнца. Если Лиз не очень устанет, мы тоже приедем. А вы, Юджин?

Капитан кивнул и уставился на горизонт.

Сансет... Со времен своего первого штурманского рейса он всегда называл заход солнца по-английски: «сансет». В мыслях, а не вслух. Это было кодовое слово, которое срывало замки времени и уносило его назад, в юность. С каждым годом все дальше и дальше... Лос-Анджелес, бульвар Сансет, год вторжения в Афганистан, год Московской олимпиады...

Весь переход до Лос-Анджелеса гадали: организует пароходство визы или не организует. Вроде, обещали... Кое-кто даже строил далеко идущие планы: рвануть в Голливуд, найти там Элизабет Тейлор и взять автограф. А если очень повезет, и сфотографироваться с ней вместе.

Пароходство визы не организовало. Вместо экзотической экскурсии в Голливуд и обычного марш-броска по заграничным магазинам предстояла скучная трехдневная стоянка без выхода на берег. А для двадцатилетнего четвертого помощника капитана с полуторамесячным морским стажем – невыносимо скучная.

Перед ужином его вызвали к капитану. В просторном салоне резко пахло спиртом. Капитан, старший механик и пом-

полит⁸ сидели за столом и сосредоточенно разглядывали пустые стаканы.

– Значит, так, Евгений, – сказал капитан. – Есть задача, требующая проявления наилучших штурманских качеств. Как Суворов говорил: «Быстрота, натиск, глазомер». Хочешь в следующий рейс «третьим» пойти?

О задаче «четвертый» догадался, как только вошел и увидел пустую бутылку голландского спирта на полу у капитанского кресла. О проявлении штурманских качеств ему растолковывали еще минут десять.

– Наденешь форму. По корме греческий «пассажир» стоит – они весь день туда-сюда бегают, и форма похожая. Кто там разберет? На воротах, если спросят, скажи: «Херкулес». Скажут: «Хэлло!» – отвечай: «Хэлло!» И иди!

– А я против! Категорически! – заявил помполит.

– Альтернатива? – спросил капитан.

Помполит неуверенно развел руками. Капитан отмахнулся и продолжил:

– Но учти: если попадешься, тебя никто никуда не посылал. По своей собственной инициативе...

На воротах его ни о чем не спросили. Толстый дядька в стеклянной будке поднял голову, окинул его сонным взглядом и махнул рукой. Он сделал два шага и очутился в Лос-Анджелесе.

⁸ Помполит – первый помощник капитана по политической работе в советском флоте

Подъездная дорога к порту переходила в широкую набережную. Голова крутилась на все триста шестьдесят градусов. Он разглядывал высокие пальмы, прохожих, припаркованные машины и еще успевал скосить глаза на золотые нашивки на собственных погонах – выглядел он, что надо!

За пятнадцать минут прогулки по набережной человек десять сказали ему: «Хэлло!», и он отвечал: «Хэлло!», как учили. Идти по набережной было весело, свежо и приятно, и американцы попадались совсем не такие, как в газетах, но поставленная капитаном задача заставила его неохотно свернуть в боковую, сверкающую витринами улицу. Сразу стало жарко, струйки пота побежали по шее и проникли под сдавленный галстуком воротник.

Наконец он остановился у светло-зеленого стекла, за которым на деревянных стойках таинственно поблескивали бутылки. Много бутылок, с разными этикетками, с незнакомыми названиями.

Заходить внутрь было страшно. Но необходимо. Он замер у витрины, набираясь решимости, и вдруг услышал:
– Боже мой, какая прелесть!

Он отшатнулся от витрины и повернул голову. Рядом с ним стояла женщина. В узких кремовых бриджах и белой блузке. Молодая – не больше тридцати, и очень красивая. Во всяком случае, так ему тогда показалось. Она насмешливо смотрела на него.

– Советский моряк в самом сердце загнивающей Амери-

ки! Ты почему один?

Его взгляд непроизвольно соскользнул с лица на ложбинку на ее груди. Она подняла руку и коснулась пуговицы. Улыбнулась, а он совсем растерялся.

– Ты что, сбежал?

Этот вопрос оставить без ответа было никак нельзя, и он смущенно пробормотал:

– Нет. Не сбежал. В увольнение отпустили.

Она не поверила.

– Да уж, прямо! Одного? Такого маленького? Да еще в двух шагах от Голливуда! Ну-ка, признавайся!

Он хотел разозлиться, но не получилось. Пришлось рассказать про задание особой важности.

– Здесь дорогой магазин, – сказала она. – Пойдем, я отвезу тебя в супермаркет.

Он последовал за ней, как слепой за поводырем, напрочь позабыв про коварные происки ЦРУ, о которых помполит рассказывал каждую пятницу на вечерних политинформациях.

Ее небольшой светло-зеленый «Шевроле» стоял у тротуара. В салоне пахло духами и чистотой. Он уселся на замшевое сиденье и, как положено настоящему мужчине, стал разглядывать приборы на «торпеде».

– А хочешь, я покатаю тебя по городу? – спросила она.

Только сейчас он вспомнил про происки. Причем, все в этих происках начиналось именно так. Красивая женщина,

ресторан, измена Родине.

– А вы в консульстве работаете? – настороженно спросил он.

– Нет. В телефонной компании. Я здесь живу.

– А как же... уехали?

– Очень просто. Повезло. Замуж вышла и уехала. Потом развелась и осталась. На работу устроилась.

Она догадалась о сути вопроса и погрузилась.

– Испугался, маленький? Можем прямо в супермаркет поехать – тут пять минут всего. Я подумала, что тебе обидно – побывать в Лос-Анджелесе и увидеть лишь винный прилавок. А вербовать тебя я не собираюсь. И меня, между прочим, тоже никто не вербовал.

Конечно, обидно! Еще как! А тут – «Шевроле»! Темноволосая улыбчивая соотечественница! И грудь у нее...

– Я не маленький! – сказал он. – Давайте покатаемся. Только недолго. Капитан ждет.

– Подождет!

Она повернула ключ зажигания. Машина отозвалась легкой вибрацией и тронулась.

Она здорово вела машину, на ходу указывая то направо, то налево, выговаривала на английский лад названия и имена, которые ему ни о чем не говорили. Расспрашивала о Ленинграде, о родителях, о ценах. А он в упор разглядывал Америку.

Вскоре они вырвались из плотного потока машин. Дорога

устремилась вверх и влилась в неширокое шоссе, густо обсаженное деревьями. Женщина опустила стекло. Пахнуло йодом, слева, в просветы между деревьями просочилась синева океана.

– А сейчас куда мы едем? – спросил он.

– В Голливуд, конечно. Но сначала я покажу тебе мое самое любимое место.

Через несколько минут машина остановилась. Он вышел, задержался на обочине и уставился на витиеватые башенки, выглядывающие из-за крон деревьев с другой стороны дороги. Территория была обнесена стальной оградой с массивными четырехгранными прутьями.

– Это кто здесь живет? Миллионер?

– Какой-то голливудский продюсер. Это бульвар Сансет. Они все здесь живут. – Она потянула его за руку. – Здесь неинтересно. Пойдем. Скорей, а то не успеем!

Они прошли еще метров сто вперед, туда, где на изгибе дороги виднелся небольшой, свободный от деревьев участок, и остановились. Тротуар и двухметровая полоса заросшей травой земли отделяли дорогу от круто уходящего вниз обрыва.

Прямо перед ними раскинулся океан. В него опускалось заходящее солнце.

Он видел это много раз с высоты ходового мостика судна. Но никогда прежде океан не казался ему таким огромным. Может быть, потому, что внизу узенькой полоской ле-

жал многомиллионный город.

Забыв про спутницу, он стоял почти на самом краю обрыва, захваченный зрелищем.

Солнце коснулось океана.

– Оно садится во Владивосток, – тихо сказала женщина.

– Нет, – солидно возразил он и махнул рукой: – Владивосток северней. Вон там где-то, правее.

Она подошла и обняла его сзади за плечи.

– Оно садится прямо во Владивосток. Я даже вижу дом, за который оно садится. Оно висит над крышей и отражается в окнах.

Солнце вдавливалось в океан, и женщина прижималась к нему сильнее и сильнее. И он не выдержал, обернулся. Ее губы уже ждали его.

Они неистово целовались на краю дороги, кто-то даже погудел им, проезжая мимо. А потом она взяла его за руку и повела назад, к машине.

Он не помнил, как они доехали до ее дома. Кажется, он сидел, боясь пошевелиться, и смотрел прямо перед собой. И дом он тоже не запомнил, только цветные плитки кафеля на полу в подъезде. И еще она долго не могла попасть ключом в замок. А потом, когда он, наконец, окончательно убедился, что это происходит с ним и происходит наяву, его память снова включилась и зафиксировала все: краски, звуки, запахи и ощущения. И взрыв... И ее усталые поцелуи, и тихий шепот:

– Как тебя зовут, миленький мой?

– Женя. А тебя?

– Таня.

Потом она испугалась, что его накажут и никогда больше не отпустят в плавание. Они заспешили, засуетились, суматошно кружась по квартире в поисках разбросанной одежды, а, одевшись, минут пять целовались у двери. Потом заехали в небольшой магазин, где негритянка-кассирша презрительно отвергла английские фунты и помахала у него перед носом долларовой купюрой. За виски заплатила Таня и тоже отказалась взять фунты взамен.

– Это подарок твоему капитану. За то, что он послал тебя ко мне. Я бы покупала ему виски каждый день! А тебе мой подарок понравился, Женечка?

– Очень! – И как-то само собой вырвалось: – Я люблю тебя!

– И я люблю тебя, миленький.

Последние поцелуи у ворот порта, и вот она села в машину... помахала рукой... уехала. А толстый дядька в стеклянной будке поджал губы и многозначительно покивал головой. Одобрил. И было как-то совершенно наплевать, что скажет капитан про трехчасовое отсутствие. А капитан лишь пробурчал:

– Тебя только за смертью посылать! – но трем бутылкам виски обрадовался.

А он вернулся в каюту, упал на койку и заплакал – в по-

душку, беззвучно, не дай бог, кто-нибудь услышит, потому что уже не представлял, как будет дальше жить без Тани.

Время лечит, вылечило и его. Колкий, тоскливый комок воспоминаний превратился в яркую шероховатую бусинку. Не то, что бы он все время помнил о ней – он о ней не забывал.

Над бухтой прокатился гул, раздались аплодисменты и свист. В воде появились черные, лоснящиеся спины дельфинов. Сначала дельфины неторопливо проплыли вдоль мола, потом устремились к пляжу. Там тоже происходили какие-то события. Трое парней в серфинговых костюмах стояли по грудь в воде. Между ними было еще что-то, похожее на небольшой надувной плот.

Лиз приложила к глазам бинокль.

– Они принесли рыбу! – воскликнула она. – Целый лоток рыбы! Они будут их кормить! Ведь это нельзя!

– Почему нельзя? – спросил капитан.

– Работники океанария просили не кормить дельфинов. Иначе, они не уйдут в океан, – пояснил Крейг.

Но люди, пришедшие прощаться с дельфинами, явно не хотели, чтобы те сразу ушли в океан. С десяток пляжников бросились в воду и обступили лоток. Дельфины приблизились к ним вплотную и закружили веселый хоровод, подби-

рая рыбу.

Тем временем, появилась вторая группа дельфинов. Их снова приветствовали аплодисментами. Один дельфин вынырнул совсем рядом с молом, прямо напротив Лиз и замер, высунув голову из воды.

Маленькая девочка, стоявшая неподалеку, бросила ему плюшевого кенгуру с большим розовым бантом на шее. Дельфин заинтересовался, подплыл, ткнул носом и подбросил кенгуру вверх. А потом нырнул и, выпрыгнув из воды, сделал высокую «свечку».

В воду полетели игрушки: медвежата, кенгуру, собачки, куклы.

Капитан посмотрел на Лиз. Она опустила голову и сложила руки на животе. Ее губы шевелились. Наверное, она рассказывала своему малышу о дельфинах. По ее щекам потекли слезы, она закрыла лицо руками.

Капитан оглянулся по сторонам. Плакала не только Лиз. А дети, которые успели родиться и подрасти, радовались, отпуская свои игрушки вместе с дельфинами в океан, на волю.

Крейг склонился к Лиз, гладил по волосам и плечам, шептал, утешал. Она кивала и утирала ладонями слезы со щек. Крейг виновато взглянул на капитана.

– Лиз устала. Нам пора домой, Юджин.

– Хорошо, Крейг. Я еще побуду здесь немного. Я вернусь поездом.

Он проводил их до машины, но на мол возвращаться не

стал. Разулся, прошелся по пляжу, по пружинистой, пенной полосе границы между нагретым песком и прохладной водой. Вокруг стояли люди и смотрели на дельфинов, кувыркающихся метрах в двадцати-тридцати от берега. Переговаривались, улыбались. Здесь не чувствовалось такого напряжения, как на моле на Нортсайд Драйв. Может, потому что зрители стояли не так плотно, и свободное пространство оставляло место индивидуальному настроению – настроению обычного выходного дня. А может быть, они берегли эмоции до вечера, когда придут прощаться не с дельфинами, а с солнцем.

Он вернулся на судно довольно подавленным. В порту было безлюдно и тихо. Сонный матрос у трапа выдернул из уха наушник и вызвал по рации старпома.

– Чиф, мастер вернулся.

Старпом, вероятно, находился на мостике. Они встретились на полпути, на бот-деке.

– Все на пляж ушли. Дед с мотористом в город ходил, так сразу вернулись. Все закрыто, – доложил старпом.

– Домой звонил? – спросил капитан.

– Звонил. У нас спокойно более ли менее. А здесь как?

Капитан пожал плечами.

– Да черт его знает! Все вместе – как будто последний день живут. А по отдельности – как будто нет, никто не верит. – Он вспомнил Лиз и поправился: – Почти никто.

– Те, кто верит – дома сидят, с родными. Чего шляться-то? – заметил старпом.

– Тоже логично. Добро...

Он махнул рукой и пошел наверх, в каюту. Самое время позвонить сестре.

Он не стал рассказывать ей про австралийцев, чтобы не пугать и не расстраивать. Наоборот, он хотел, чтобы она его успокоила. И она успокоила.

– Ну, что ты – какая война? Это чтобы цены поднять – в первый раз, что ли? Вон, неделю назад как скакнули – на все! Думали, народ скупать кинется. Нет, никто не кинулся. Если телевизор не смотреть – так вообще все спокойно.

Он слушал ее и чувствовал, как постепенно рассасывается тяжелый ком в груди. Действительно – в первый раз, что ли?

– По телевизору все про бункер рассказывают. Какие там удобства, запасы, коммуникации. А где – не говорят. То ли на Урале, то ли в Сибири где-то. А народ уже анекдот придумал. Полицейский начальник жалуется жене: «Представляешь, вход в бункер по платиновым картам ВТБ! А у меня – только золотая!» А жена отвечает: «Ничего, поработаешь, подкопишь. Вон сколько народу без прописки и регистрации останется».

Посмеялись. Сестра рассказала еще пару свежих анекдотов. Потом вздохнула и погрустнела.

– Мальчишек своих ждала – соскучилась. А они только в следующий месяц обещают приехать. Может, и ты пораньше

попросишься? На дачу бы съездили.

– Я постараюсь, – сказал он, как обычно. – Как получится.

Он вспомнил разговор, который возник у них как-то с мужем сестры Стасом. Как раз по поводу атомной войны – что делать? Начали с шуток, но закончили всерьез. Он предложил много полезных, как ему казалось, вещей. Йодные таблетки, рыбацкие комбинезоны с капюшонами, обклеенные фольгой в несколько слоев, продукты, выводящие радиацию. Еще, если позволит время, уезжать из города и рыть землянку. А сестра послушала их и сказала: «Я бы тоже уехала. На дачу, без всяких капюшонов. Срезала бы все цветы, поставила бы в ведро – перебирала и любовалась».

Сегодняшнее прощание с дельфинами в Хилари Харбор было очень похоже на ведро со срезанными цветами. А вечером люди придут прощаться с солнцем и потом останутся стоять на своем местном «бульваре Сансет», перебирая прожитые годы и любясь воспоминаниями. И глядя на запад, в черное небо, ждать, когда оттуда прилетят ракеты. И изо всех сил надеяться, что не прилетят.

– Нет! – громко сказал он сам себе и даже звучно хлопнул ладонью по столу. – Не будет ничего!

Для пущей уверенности он плеснул в стакан грамм пятьдесят виски, выпил и шумно выдохнул. Вот так! И все будет хорошо!

И лег спать.

Его разбудил телефонный звонок. Еще не проснувшись,

как следует, он схватил мобильник, потом сообразил, что звонит судовой телефон. Посмотрел на часы и взял трубку. Двадцать один сорок два.

Звонил старпом.

– Евгений Саныч... Ой, разбудил? Извините!

– Ничего, ничего... Что?

– В восьмичасовых новостях передали, что Россия и Штаты договорились не предпринимать никаких действий еще на семьдесят два часа. Вот...

– Ну, и слава богу! Народ вернулся?

– Да, почти все на борту. Дед по причалу гуляет.

– Спасибо. Давай.

И снова звонок, на этот раз Крейг, по мобильнику. Веселый.

– Юджин, ультиматум продлили! На трое суток! Мне сейчас позвонили из порта: с полуночи выйдет две бригады. Утром к десяти закончат. Груз почти весь согласно плана, четырнадцать контейнеров отменили.

– Это хорошая новость, Крейг. Если грузы идут – значит, все нормально. У бизнеса интуиция не хуже, чем у политиков, правда? Так и скажи Лиз.

– Она рада, Юджин. Передает тебе привет. Окей, завтра увидимся.

– Увидимся, Крейг.

Текущая отсрочка, а возможно, и полная отмена Конца Света вернула австралийцев к обычной пунктуальности. В

десять утра на борт поднялся лоцман – сдержанный китаец Винсент Цин. Крейг помахал с причала и сел в машину. Капитан помахал ему с крыла мостика, оглянулся, оценивая дистанцию до стоявшего по корме большого контейнеровоза MSC⁹ – тот зашел в порт ночью. Высокая надстройка полностью заслоняла далекие небоскребы Перта.

– Корма, отдать продольные! Бак, отдать все концы!

Приливное течение помогло отжаться от причала, на пару минут судно замерло, удерживаемое кормовым шпрингом¹⁰, но потом и его скинули с берегового кнехта¹¹. Лопасты винта вгрызлись в воду и толкнули судно вперед.

На рейде плескались дельфины. На какое-то время они заинтересовались лоцманским катером, но, когда катер направился назад, к волнолому у входа в порт, дельфины оставили его и поплыли к судну.

Они долго провожали уходящее из Фримантла судно. Наверное, дельфины знали больше, чем люди, и прощались по-настоящему.

⁹ MSC (Mediterranean Shipping Company) – крупная итальянская судоходная компания

¹⁰ Шпринг – швартовый канат, предотвращающий движение судна вдоль причала

¹¹ Кнехт – стальная тумба на судне или причале, предназначенная для крепления швартовых канатов

Трое суток шли по восемнадцать с половиной узлов¹². Шестибалльный зюйд-ост вспенивал гребни волн и подталкивал, подгонял в сторону дома. Четвертого марта, в пятницу утром ветер скис до двух баллов, а вечером капитан провожал заходящее солнце уже при полном штиле. Небо тоже очистилось полностью – ни облачка до самого горизонта.

А ночью ему приснилась Таня. Он стоял на краю обрыва и смотрел на океан. Таня стояла за его спиной, он знал это абсолютно точно, но что-то было не так. Тишина... Оглушительная тишина, ни звука, и от этой тишины во все стороны расползлся страх. Он хотел, чтобы Таня подошла и обняла его, как тогда, но боялся повернуться. И она подошла, и обняла его сзади. Крепко-крепко.

Он увидел ее ладони, прижатые к его груди: черные, обугленные, покрытые паутиной мелких, глубоких трещин. Он рванулся вперед и повис над бездной, закричал, замахал руками, пытаясь восстановить равновесие, но неумолимая сила тянула его вниз, и лишь ее пальцы, тонкие, как обугленные карандаши, удерживали его на краю...

Капитан проснулся. Сел в постели и еще с полминуты приходил в себя. Потом включил светильник и посмотрел на

¹² Узел – 1 морская миля в час или 1,852 км в час

настенные часы. Пять ноль восемь.

В каюте тишины не было. Шум работающего двигателя, вибрация, поскрипывание контейнеров на палубе – все это сливалось в легкий гул, обычно не замечаемый. И к этим звукам добавился неожиданный и поэтому излишне пронзительный зуммер телефонного звонка.

Он вздрогнул и схватил трубку.

– Капитан.

– Евгений Саныч, поднимитесь, пожалуйста, на мостик.

Пять ноль девять. Вахта старпома. И если старпом будит его среди ночи и, как свежеиспеченный третий штурман, не называет причины – значит, случилось что-то серьезное.

– Сейчас иду!

Быстро одеваясь, а потом поднимаясь по трапу, он пытался угадать – что? Главный двигатель? Нет, он бы почувствовал. Отказ рулевой машины? Тоже бы почувствовал. Сигнал бедствия? Нет, Константин бы сказал. Сближение с другим судном? В океане это не проблема, тем более, для старпома.

Он вошел на мостик, затворил дверь и остановился у входа, давая глазам привыкнуть к темноте.

– Доброе утро. Что случилось?

Ему никто не ответил. К обычным судовым звукам мостик добавил свои, тоже обычные. Легкий шорох эфира из коротковолновой радиостанции, еле слышное потрескивание самописцев, тиканье настенных часов на переборке справа от

двери. Попискивал ИНМАРСАТ¹³, сигналил, что закончилась бумага в принтере. Капитан задержал взгляд на зеленоватом экране радара. Все чисто: на двенадцатимильной шкале ни судов, ни облаков.

Ему показалось, что-то блеснуло справа на горизонте. Может быть, зарница, а может быть, просто показалось. Так бывает, когда заходишь из светлого помещения в темноту.

Дверь на правое крыло была открыта. В дверном проеме проглядывалась фигура старпома.

Капитан вышел на крыло мостика.

– Константин!

Старпом обернулся.

– Вы уже здесь? Вот, посмотрите! Сейчас...

Он указал рукой в море, чуть впереди траверза¹⁴.

На горизонте вспыхнула ярко-белая точка. Сначала это была, действительно, точка, но уже через пару секунд она приобрела диаметр, увеличилась до размера монеты. Потом снова сжалась и растянулась в короткое тире. И погасла. И тут же новая светящаяся точка появилась в направлении гораздо ближе к курсу. И третья – за траверзом.

Капитан обернулся назад, в сторону Австралии. Успел увидеть яркую черточку, которая в следующий момент погасла.

– По всему горизонту с правого борта! – взволнованно

¹³ ИНМАРСАТ (INMARSAT) – морская система спутниковой связи

¹⁴ Траверз – направление перпендикулярное курсу судна

проговорил старпом. – Так и пляшут! У меня тут сначала ГМССБ¹⁵ – как будто взорвалась! Все тревоги одновременно: ЦИВ¹⁶, ИНМАРСАТ. На «стоп» нажимаю, а они опять... Потом в ЦИВе сообщение выскочило: «недостаточно памяти», и вообще завис. Я отключил его, чтоб не гремел. ИНМАРСАТ звенеть сам перестал, только принтер печатает без остановки.

– Уже не печатает, – сказал капитан. – Бумага кончилась. А что там? Какие сообщения?

– Я не читал, не успел. Увидел вспышку на траверзе, выскочил на крыло – мало ли, бедствие, кто-то ракеты пускает. Я их штук двадцать насчитал! По УКВ¹⁷ звал – никто не отзывается. Может быть, конечно, грозовой фронт далеко где-то там, только молнии какие-то странные. На молнии не похожи... Вон, смотрите!

И снова вспышка за кормой. И сразу три, не такие яркие – на траверзе.

– Там – Индонезия, – махнул рукой старпом. – Около тысячи миль. До Австралии три с половиной... До Индии тоже не меньше трех – и там сверкает. Неужели так далеко видно?

Капитан подумал о том же: как далеко видно. Вспомнил

¹⁵ ГМССБ (глобальная морская система связи при бедствии) – комплекс аппаратуры для радио-, спутниковой и автоматической связи

¹⁶ ЦИВ (цифровой избирательный вызов) – установка для приема и передачи сообщений в цифровом режиме

¹⁷ УКВ – связь на ультракоротких волнах

сон, обугленные руки, обнимающие его за грудь, и затряс головой.

– Да, самое главное забыл сказать, – добавил старпом. – Джи-Пи-Эс¹⁸ полетел. Координаты показывает по счислению¹⁹. Сигнала со спутников нет. Последняя точная позиция на четыре пятьдесят – я по ИНМАРСАТу взял. В общем, все к одному. Вы думаете, война, Евгений Саныч?

– Не знаю, – сказал капитан. – Все может быть.

Он тоже подумал: война. Сначала даже со смутной надеждой. Потому что война предусматривала какое-то продолжение. Но, если те вспышки, которые они наблюдали по всей правой части горизонта, были термоядерными взрывами, а не каким-то доселе неизвестным оптическим феноменом, продолжения, скорее всего, не предвиделось.

– Константин, ИНМАРСАТ еще живой?

– Сейчас посмотрю.

– Нет, я сам. Ты пока найди планшетную карту, сделай прокладку на крупном масштабе с точками на четыре часа и на четыре пятьдесят. Определим дрейф. Еще Атлас Индийского океана найди. Займемся старой, забытой наукой навигацией.

– Да. Понял, Евгений Саныч.

¹⁸ Джи-Пи-Эс (GPS) – спутниковая система позиционирования (Global Positioning System)

¹⁹ Счисление – расчетные координаты или расчетная позиция на карте с учетом вектора движения (курса) и пройденной дистанции

Старпом быстро пошел в рубку. Капитан постоял на крыле еще немного и двинулся за ним.

Он подошел к приемнику станции ИНМАРСАТ, щелкнул пальцем по клавише. Дисплей вспыхнул и выдал запрос: «Satellite session lost. Start scan?²⁰». Машинально нажал на «enter». Широкая бумажная лента из принтера сползла со стола и рулоном завивалась на полу. Капитан поднял ее, включил лампу. Вся лента была испещрена звездочками-снежинками с хаотичными интервалами. Лишь в самом первом сообщении успели пропечататься слова: «Sentosa²¹» и «distress²²».

Стало светлеть. С севера по горизонту расползались легкие облака. Капитан присел к радиоприемнику. Прошелся по всему диапазону аварийных частот, но услышал лишь шипение и треск. Эпоха радио закончилась.

Старпом вышел из рубки. Капитан услышал его гулкие шаги над головой, на верхней пеленгаторной палубе. Подумал: «Молодец, чиф. Все сделал грамотно». Попытался сосредоточиться на ближайших мероприятиях, но не смог. В голове стоял треск пустого эфира.

Старпом вернулся на мостик.

– Ветер два узла. И зашел на северо-восток. Дрейф – чисто

²⁰ Satellite session lost. Start scan? – Связь со спутником потеряна. Начать сканирование? (англ)

²¹ Sentosa – станция ИНМАРСАТ в Сингапуре

²² Distress – бедствие (англ)

вест, одна и две десятых. Течение давит.

– Компасы нормально?

Старпом подошел к репитеру гирокомпаса²³, заглянул в перископ магнитного компаса.

– Да. Магнитный минус два. В четыре утра было так же. В радаре целей нет. В АИС²⁴ тоже пусто. Что еще, Евгений Саныч? Тревога? Народ поднимать?

– Зачем? Нет, не надо, пусть спят. После завтрака соберемся. И ты иди, отдыхай. Я постою. Подумаю.

Старпом неуверенно пожал плечами.

– Ладно, как скажете. Тогда я пошел. Спокойной вахты.

– Давай. Спокойной.

Старпом еще немного потоптался у двери и ушел.

Думать не получалось. В голове, в желудке, да и во всем теле разливалась какая-то ноющая пустота. Он бродил по мостику, заглядывал в радары и в мониторы приборов, снял трубку спутникового телефона, потыкал пальцем в кнопки.

Он не раз со скрытой гордостью заявлял береговым знакомым, что у него на судне связь не хуже, чем у президента: три независимые спутниковые системы, цифровое и аналоговое радио на всех диапазонах. То есть, в любое время из любой точки земного шара... А сейчас он остался без всего,

²³ Репитер гирокомпаса – прибор для определения курса и пеленга, синхронизированный с показаниями гирокомпаса

²⁴ АИС (автоматическая идентификационная система) – прибор для обнаружения и цифровой идентификации целей в пределах заданной дистанции

и главное, без ответа на вопрос: «А что же дома?».

Капитан вышел на крыло правого борта. Разглядел еще одну вспышку: просто яркий блик на быстро светлеющем, окрашенным розовой зарей горизонте. Машинально отметил, что звезды уже погасли, слились с небом, а ведь надо было «взять» секстаном²⁵ хотя бы парочку, чтобы проверить позицию. И разозлился на себя за это «надо было», которое терпеть не мог слышать от других. Если надо было сделать – сделай, а не пытайся оправдать свою лень или небрежность.

Злость помогла ему встряхнуться. Будь здесь и сейчас, чтобы потом не говорить: «надо было». Капитан вернулся в рубку, выдернул из принтера лист бумаги и направился к столу с картами.

Когда он спустился в столовую, все уже собрались там. Весь экипаж за исключением вахтенных: третьего штурмана и моториста.

– Доброе утро.

Он прошел к крайнему столу и сел. Поваренок Василь Снитко прошмыгнул у него за спиной и поставил на стол маленькую чашку дымящегося ароматом кофе. Поваренок был хлопцем довольно ленивым, ему часто доставалось от старпома за небрежную уборку на камбузе и в столовых, но в прошлом месяце, когда шеф-повар подхватил в Суэце ка-

²⁵ Секстан – оптико-механический прибор для определения видимой высоты светила над горизонтом

кой-то египетский грипп и провалялся две недели с лихорадкой, Василек проникся ответственностью и пахал на камбузе за двоих. Причем, готовил вполне прилично, чем несказанно всех удивил, и камбуз сиял невиданной доселе чистотой. Потом повар поправился, и Василек вернулся в обычное мечтательно-ленивое состояние. Капитану удалось выбить для него из компании триста долларов премиальных. С тех пор каждое утро перед ним появлялась маленькая чашка кофе благодарности, сваренная в настоящей турчанке.

Вот и сегодня: все, как всегда. Боцман Иваныч откинулся назад и что-то бурчал через плечо второму механику. Сейчас матрос Вячеслав Сергеевич – тоже из боцманов – двинет его кулаком в бок, призывая к порядку... Двинул, призвал... Боцман повернулся и уставился на капитана преданно-дисциплинированным взглядом. Странно, но еще с советского флота ему почему-то всегда попадались боцмана или Иванычи, или Сергеичи.

Все, как всегда. Совершенно обычное утро. Новость не успела просочиться на нижние палубы экипажа, и парни еще ничего не знали. Только сейчас капитан понял, что должен объявить им о Конце Света.

Он поперхнулся, закашлялся и отставил чашку в сторону. Глубоко вдохнул. Выдохнул...

Пауза затягивалась, на него смотрели с удивлением.

Еще вдох...

– В общем так, господа-соотечественники...

Он всегда так обращался к экипажу на собраниях. Не упускал случая напомнить четырнадцати украинцам и трем россиянам, что когда-то они были одной страной и одним народом. Хотя и замечал поначалу, что такое обращение нравилось не всем, но упрямо продолжал напоминать. Потом привыкли.

– Утром мы со старпомом видели вспышки практически по всему горизонту с правого борта. От Индии до Австралии. Вспышки необычные, на грозовые разряды не похожи, а до ближайшей суши более тысячи миль. Это первое. Второе: примерно в это же время на станцию ГМССБ пришли сотни сигналов бедствия, все цифровые каналы были забиты. И третье: примерно в это же время потеряна связь со спутниками и дальняя радиосвязь. Телефон, е-мейл, факс, короткие волны – все средства связи с берегом отказали. У нас осталось УКВ для ближней связи, и попробуем вызывать на промежуточных волнах, это где-то тысяча миль. Возможно, удастся с кем-нибудь связаться. Вот такая ситуация на текущий момент.

Капитан замолчал и медленно оглядел присутствующих, стараясь заглянуть в глаза каждому. Он хотел понять, что они чувствуют, так как свои чувства до сих пор понять не мог.

Настороженность... Недоверие... И любопытство. Любопытство зрителя, не поверившего в реальность происходящего. Неужели он чувствовал то же самое? Поэтому так и не

произнес слово «война».

Он вспомнил, что такое же ощущение нереальности испытывал, когда смотрел по телевизору первые кадры и репортажи о взрывах башен-близнецов в Нью-Йорке. В ночь на девятое сентября его судно покинуло Нью-Йорк, а одиннадцатого они лежали в дрейфе у входа в бухту Галифакс²⁶, ожидая лоцмана. Он смотрел, как самолет на развороте врежется в небоскреб, как наружу вырывается спиральное облако пламени, и летят вниз обломки, как проваливается вниз верхняя часть здания, почти не отклоняясь от вертикальной оси... Смотрел в экран телевизора и не верил, что это происходит на самом деле. И еще ему, как постороннему зрителю, было любопытно: что будет дальше? Сострадание пришло потом, когда у проволочной ограды, обнесенной вокруг развалин, стали появляться цветы и фотографии.

– Так что, война? – все-таки спросил старший механик. – Или эти вспышки – может быть что-то еще?

– Да, такое, в принципе, возможно – что-то еще, – ответил капитан, стараясь говорить уверенно. – Это может быть какой-то неизвестный... мне неизвестный, во всяком случае, оптически-физический феномен. Грозовой фронт далеко на горизонте... Было темно, и туч на горизонте мы со старпомом разглядеть не могли. Как и их отсутствие. Правда, я никогда не видел такие молнии. Обычно гроза забивает радиоволновый диапазон, но не сверхвысокие частоты. То есть, не

²⁶ Галифакс – порт на восточном побережье Канады

спутниковую связь. И еще эти сигналы бедствия. Очень много...

– Да уж... – пробормотал стармех.

– Что делать будем, Евгений Саныч? – спросил третий механик Саша Гаврилюк.

– А чего ты капитана спрашиваешь? – подал голос боцман Иваныч. – Ты деда²⁷ спроси – он тебе быстро работу найдет.

Боцмана оценили, сдержанно похмыкали.

– Хороший вопрос, – сказал капитан. – Считаю себя ближе к опасности – основной принцип мореплавания. Соответственно и будем готовиться. Через три дня Мальдивы. Я изменил курс: пойдем южнее, в пролив Полтора Градуса. Надеюсь, в проливе удастся связаться с берегом по УКВ. А может, к тому времени все образуется... как-то. Посмотрим... Еще вопросы?

Больше вопросов не возникло. Вопрос, которого он боялся: «А как там, дома?», остался незадаанным. Вполне возможно, еще неосознанным.

– Ну, добро. Спасибо за внимание. Если будет новая информация, сообщу немедленно. Старший механик, старший помощник и боцман, задержитесь, пожалуйста.

Народ потянулся на выход.

Несмотря на внушительный список намеченных мероприятий, инструктаж получился довольно коротким. Стармеху

²⁷ Дедом на торговом флоте называют старшего механика, чифом – старпома, мастером – капитана. (проф.сленг)

проверить пожарные и балластные насосы, при необходимости провести дополнительное обслуживание. То же самое – с опреснителем. Посчитать топливо: на сколько дней и какими ходами. Старпому и боцману проверить все водонепроницаемые двери и люки вентиляции, при необходимости отрегулировать гайки, уплотнительную резину, держать постоянно закрытыми. Пожарные стволы подсоединить к гидрантам на главной палубе и надстройке, краны открыть, чтобы система была готова к немедленному использованию. Достать из шлюпок термозащитные костюмы, держать в надстройке у кормового входа. Старпому проверить по манифестам, какой груз в рифер-контейнерах. Проверить, сколько йода есть в судовой аптеке. После обеда все штурмана на мостик, на тренинг – будем брать определение места по солнцу. Вечером то же самое – определяемся по звездам. Штурманской и машинной вахте: в случае дождя выход на палубу экипажу запрещен, объявление по громкой связи. Кондиционер останавливаем. Пока все. Если есть какие-то соображения – пожалуйста.

Стармех неопределенно хмыкнул, наверное, из-за кондиционера, но тут же кивнул:

– Все ясно, Саныч.

– Ясно, – сказал старпом.

Боцману явно хотелось еще побалагурить, он стрельнул глазами на старших офицеров и сдержался.

– Ясно, Саныч. Все сделаем.

– Спасибо. Я буду в каюте или на мостике. Звоните.

Его не покидало чувство неудовлетворенности как собранием, так и инструктажем. Как будто он не смог найти правильные слова, и экипаж не то, что бы не поверил, но явно не проникся. Как-то все прошло легко, даже легкомысленно. Ему снова пришло в голову сравнение со зрителями, наблюдающими, как на сцене разворачиваются драматические события.

Оставшись один, капитан еще раз перечитал список, положил лист бумаги на стол и пожал плечами. Утром на мостике он попытался вспомнить все, что знал о поражающих факторах ядерного оружия – эти знания приходилось обновлять каждые пять лет на курсах. И каждый раз на слушаниях по военной подготовке кто-нибудь начинал ехидно-бесполезную дискуссию с отставным капитаном второго ранга. «Ну, хорошо, спаслись. Избежали ударной волны и светового излучения. Спрятались от радиации в бомбоубежище. А дальше что?» Кап-два был уверен, что дальше все будет хорошо. Главное, экономно расходовать провиант и питье, принимать йодные препараты и не поддаваться панике. И помощь придет...

Еще трое суток держалась ясная погода и легкий бриз. Все шло, как обычно, и океан, казалось, жил своей обычной жизнью. Порхали летучие рыбы, на переднюю мачту сели два альбатроса, а третий штурман на утренней вахте видел про-

плывающего мимо кита. Астрономические наблюдения показывали расхождение со счислимыми координатами в шестьдесят миль, что для океана было совсем неплохо. В общем, все было обычно и мирно, и очень хотелось убедить себя, что те ночные вспышки тоже были каким-то обычным, просто непонятым явлением. Но спутниковая и дальняя радиосвязь по-прежнему отсутствовали, а стрелка магнитного компаса, не останавливаясь, ползла к востоку примерно полградуса за вахту.

К концу дня впереди по правому борту обозначилась жирная линия низких фиолетовых облаков. Солнце садилось, но перед тем, как коснуться океана, неожиданно поблекло и окрасилось серым, как будто его обсыпали грязным песком.

Во вторник девятого марта утром небо затянуло сплошными облаками. После завтрака капитан поднялся на мостик. Следом подошли старший механик и старпом. Старпом начал вызывать берег по УКВ. Из динамика рации раздавался сильный треск.

Около десяти утра на экране радара стало отбиваться небольшое пятно, и вскоре третий штурман разглядел в бинокль тонкую линию атолла слева на горизонте. К этому времени на мостике собрался весь экипаж. Распределились вдоль лобовых иллюминаторов, ничего не спрашивали и не разговаривали. Молчание нарушал лишь голос старпома и треск из рации.

– Huvadhoo island, Huvadhoo island, this is motorvessel

«Lunar Tide» calling you. Over... Maldives coast guard, Maldives coast guard, «Lunar Tide» calling, come in please... All stations, all stations, this is motorvessel «Lunar Tide» calling, can anybody read me?²⁸...

– Андрей, подверни пятнадцать градусов влево, – сказал капитан третьему штурману. – Пройдем вплотную к острову – там глубины позволяют.

– Пятнадцать лево! – отозвался «третий».

Атолл приближался, короткая линия на горизонте превратилась в темную полосу.

Боцман взял свободный бинокль, оглянулся на капитана.

– Можно?

– Да, конечно. – ответил капитан. – Только далеко еще, не увидишь ничего.

Боцман взглянул в бинокль и положил его на место.

– Далеко... Я здесь проходил лет пять назад. На «Хай-Сиз», мы на Аделаиду один рейс сбегали. В трюмах – пустышки²⁹, а на крышках – шесть стакеров³⁰, здоровые такие! Сами крепили, нам заплатили потом ...

– Боцман, ты, наверное, про атолл хотел рассказать, – прервал его старпом.

²⁸ – Остров Хуваду, вас вызывает теплоход «Лунный Прилив»... Прием... Береговая охрана Мальдив, вызывает теплоход «Лунный Прилив»... Всем станциям, теплоход «Лунный Прилив» вызывает, кто-нибудь слышит меня... (англ)

²⁹ Имеются в виду пустые контейнеры

³⁰ Стакер (stacker) – портовая техника для складирования контейнеров

– А чего атолл? Атолл, как атолл! Домики розовые прямо на берегу. Пальмы. Мастер-немец тоже тогда ближе к берегу взял, чтоб на теток посмотреть. Там, говорит, голые все ходят... Нам, между прочим, тогда за стакеры почти по двести евро заплатили. Нормально, да?

– А что тетки? Правда голые? – спросил поваренок.

– Конечно, а какие же еще! – уверенно ответил боцман.

– Да слушай ты его больше! – вклинился в разговор старший механик. – Боцман, кончай пацану лапшу вешать! Мусульманская страна – какие там тетки голые?

– Вы, дедушка, сами не были и не спорьте, – обиженно проворчал боцман и снова уставился в бинокль.

– Huvadhoo island, Huvadhoo island, this is motorvessel «Lunar Tide»...

Через полчаса подошли достаточно близко. Капитан вышел на левое крыло, моряки потянулись следом. Хмурились, передавали из рук в руки бинокли.

Им открылась мертвая, черная, каменистая пустыня. Никаких следов растительности, не говоря уже о постройках или каких бы то ни было признаков человеческой деятельности. Все, кроме камня, было слизано огромным, безжалостным языком цунами.

– Это что, теперь везде так? – тихо спросил кто-то.

Ему не ответили. Когда атолл остался за траверзом, вернулись на мостик, и до выхода из пролива никто не проронил ни слова.

Остров снова превратился в темную полосу на горизонте. Капитан оторвался от радара, взглянул на часы.

– Андрей, точку на карте на двенадцать двадцать четыре. Шесть с половиной миль от западного мыса, пеленг – сто два. И проложи из нее курс двести двадцать пять. Рулевой – на ручное управление!

– Понял! – «Третий» кинулся к карте.

Матрос встал к штурвалу, щелкнул переключателем.

– На ручном!

– Руль лево десять, ложимся на двести двадцать пять!

– Лево десять, на двести двадцать пять!

Судно качнулось и слегка накренилось на левый борт.

– Я так понимаю, в Европу мы уже не идем? – спросил стармех.

– Нет, – ответил капитан и обвел взглядом моряков на мостике, отвечая всем сразу. – Во всяком случае, через Красное море и Суэц не идем. Если это война, то основной удар пришелся по Северному полушарию. Чем дальше на север, тем больше шансов попасть под радиацию. Поэтому планы такие: будем уходить на юг, прижмемся к Мадагаскару миль на пятнадцать-двадцать, чтобы видеть береговую линию и иметь возможность связаться с берегом по УКВ.

– А почему Мадагаскар? – спросил боцман. – Что нам там делать?

– Делать там нечего. В Африке нас никто не ждет при любом раскладе. Так я и не говорю про заход в порт, боцман! –

Капитан почувствовал, что повысил голос, и продолжил на полтона ниже. – В первую очередь, нам нужна связь, информация. Будем продвигаться на юг вдоль африканского побережья, на Дурбан, на Игольный, и вызывать берег по УКВ. Кто-то же должен отозваться!

– А если не отзовутся? – спросил стармех.

– Не отзовутся – пойдем вокруг Африки до Гибралтара. Топлива у нас достаточно.

Стармех кивнул.

– Тысяча тридцать тонн. По тридцать две тонны на тридцать два дня эконом-ходом. Плюс дизельного дня на три.

– А дальше? А потом куда? – почти хором спросили сразу трое.

Капитан вздохнул, неопределенно покачал головой.

Если бы он знал... Но капитан не может заявить: «Я не знаю». Особенно, в критической ситуации. Так гласил один из главных законов старого флота. И он сказал то, что кто-то должен был сказать вслух:

– Дальше по обстановке. Надеюсь, все понимают, что в случае ядерной войны вернуться домой у нас шансов практически нет. – И не удержался, оставил лазейку, лучик надежды, без которого все вообще теряло смысл. – В ближайшее время, я имею в виду.

Дверь отворилась беззвучно, но еще до того, как она отворилась, мама повернулась на бок и открыла глаза.

– Что такое? – шепотом спросила она. – Ну-ка, беги скорей ко мне!

Мальчик прошлепал босыми ногами по полу и забрался под одеяло.

– Мне не спится, мамочка, – прошептал он.

– Ты, наверное, играл в «Создателя»?

– Нет, мамочка, я же тебе обещал не играть ночью. Просто не спится. А тебе спится?

– Мне тоже не спится, – солгала мама. – Зато теперь мы устроимся поудобнее и попробуем уснуть. Ложись на бочок и закрывай глаза.

Мама пошевелилась, выгнула спину и надавила назад. Ей удалось сантиметров на десять сдвинуть спящего папу.

– Мама, а почему людям бывает грустно?

– Тебе грустно, малыш? Давай, я тебя обниму и...

– Нет, не мне, – сказал мальчик и махнул рукой в сторону двери. – Ему.

– Твоему маленькому человечку?

– Да. Ведь у него все есть! Целая планета!

– Ему уже надоело ее исследовать?

– Не знаю... Нет, не надоело! Вчера он играл на берегу

реки. Потом забрался на большое бревно, а оно поплыло. Бревно плыло целый день. Мальчику было интересно. Потом бревно причалило к берегу, и он пошел гулять. Он играл со зверями в лесу. А утром снова поплыл. Он плывет по реке уже четыре дня, но ему опять грустно. Особенно вечером, когда садится солнце. Почему, мамочка?

– Хорошо, давай подумаем. Вот скажи, тебе ведь тоже бывает грустно? Ну, или раньше, до «Создателя». Ведь было?

Мальчик кивнул.

– Было. Это когда ты поскользнулась и упала на улице, а папа повез тебя в больницу.

Мама погладила его по голове и прикоснулась губами к волосам.

– Нет, это не считается. Ты просто жалел свою мамочку.

– Конечно, жалел! А еще было очень грустно, потому что я остался дома один.

– Да, малыш. И мы за тебя тоже очень переживали. А разве ты не мог поиграть в какую-нибудь компьютерную игру или посмотреть мультики?

– Мне совсем не хотелось играть... Ой, мамочка! Я понял! Ему грустно, потому что он один!

– Тихо, а то разбудим папу. Ты у меня такая умница!

– Надо создать ему маму и папу!

– Нет, мой хороший, мамы и папы не создаются. То есть, они создаются, конечно, но раньше детей. Попробуй создать ему друга.

- Хорошо, мамочка. Завтра утром, как только проснусь.
- Нет. Как только проснусь и позавтракаю. Да?
- Да, мамочка. После завтрака.

Мальчик откинулся на подушку и прошептал:

- Скорее бы завтра...

Через секунду он уже спал.

А вот маме спать совсем расхотелось. Она полежала еще немного, потом осторожно выскользнула из постели, очень стараясь не задеть ни папу, ни сына, и направилась в детскую комнату.

Уже вторую неделю мама пыталась смириться со свершившимся фактом, что у нее в доме появился «Создатель». Нельзя сказать, что «Создатель» принес ей много хлопот. Даже от пыли мама протерла его всего один раз и то чисто символически – компания позаботилась об анти-пылевом покрытии на панелях и экране. И нельзя сказать, что «Создатель» отнял у нее сына и мужа. Хотя оба проводили все вечера, сидя у компьютера, они всегда звали маму принять участие в игре, что само по себе приносило ей определенное душевное неудобство. Приходилось выбирать между уже объявленным принципом: «Подумаешь – «Создатель»! И близко не подойду!» и неукротимым любопытством. К счастью, маме не нужно было искать предлог, чтобы зайти в детскую комнату.

Возможности игры оказались, действительно, потрясаю-

щами. Созидание не требовало специальных знаний – их заменяли неисчерпаемые энциклопедии и справочники «Создателя», хранившиеся на сервере компании, с которым компьютер поддерживал постоянную связь.

– Выберите гравитационное поле планеты, – говорил Энциклопедист. – От него будет зависеть годовое и суточное вращение. Гравитационное поле, в свою очередь, зависит от массы планеты, величины центральной звезды системы и от наличия в системе других небесных тел: планет и спутников.

– Представь себе воздушный шарик, Маленький Создатель, – поясняла Элликс. – Он привязан ниткой к твоему пальцу и поэтому не улетает в небо. А еще он легче, чем воздух, поэтому не падает на твою руку...

– Элликс, с гравитацией нам и так все понятно! – нетерпеливо вмешивался папа. – Но мы не собираемся создавать целую галактику. Нам достаточно одной планеты.

– Элликс просит прощения, Папа Создателя, но планета не может висеть в пространстве в состоянии неустойчивого равновесия. Она превратится в блуждающий астероид. При этом, вам необязательно создавать галактики. Достаточно выбрать одно из стандартных сочетаний в энциклопедии.

– Выберите объем плазменного облака и толщину литосферы, – говорил Энциклопедист. – От этих параметров будет зависеть продолжительность существования планеты, ее размер, гравитация, тектоническая деятельность и среднегодовая температура.

– Представь себе воздушный шарик, Маленький Создатель, – поясняла Элликс. – Только внутри него раскаленный газ, а сам шарик каменный. Если газа будет много, а каменная оболочка тонкая, ты не сможешь взять его в руки – такой он будет горячий. И наоборот. В энциклопедии есть много стандартных сочетаний. Укажи Элликс на любое из них, и ты увидишь, как это будет выглядеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.